

ДЕВЮ

«Если бы вы знали его, вы полюбили бы его обязательно. Все эти истории... Он давал пятисотфранковые купюры таксистам как чаевые, таксисты его обожали. Они плакали на его похоронах»

Джейн Биркин вспоминает о Серже Генсбуре в интервью Газете

«меня уже достало быть надувной куклой в чужих бассейнах»

ки спеть ее вместе с тобой. Теперь ты будешь надувной куклой в моем бассейне, потому что меня уже достало быть надувной куклой в чужих бассейнах». Он рассмеялся. У него отличное чувство юмора. Он действительно спел там в начале — и на этот раз он был надувной игрушкой в моем бассейне! Это было вполне сексуально и забавно.

А что насчет Ману Чао? (Биркин весело смеется.) Он, возможно, самый известный в России артист из числа ваших коллег по альбому.

Мне кажется, что этим летом он вообще будет самым известным артистом, когда выпустит свой новый хит-сингл. У меня была идея записать одну старую песню Ману Чао, но вот только как найти его самого? Я пришла в студию, а там такая атмосфера... Я не очень люблю, когда все аккуратно и в полном порядке, а в той студии было как раз то что надо: кто-то бродит с сигаретой... в общем, даже мой бульдог затащил, когда мы туда пришли. Я опаздывала и бежала очень быстро, поэтому даже не заметила человека в старой соломенной шляпе, надвинутой на глаза. При этом он стоял спиной ко мне и пил кофе из кружки — так что я не могла разглядеть этого эльфа. А это и был Ману Чао.

Он спел вместе со мной, а потом к нему пришла идея наложить еще голоса. И вдруг он начал прыгать и скакать по студии, и я стала прыгать вместе с ним. Было очень весело, он невероятно милый. Так мы и записали «Te Souviens-Tu?» — прекрасную песню с очень запоминающейся мелодией. Ману Чао прост в обращении. И когда мы послушали пленки, я подумала: вот есть же что-то по-настоящему удачное в жизни! И таким оказался весь альбом.

А как насчет Брайана Молко, человека, который делает не такую уж солнечную музыку, как Ману, а скорее даже мрачную?

Мне он всегда очень нравился. Я была на концерте Микки 3D, который спел со мной «Je m'appele Jane». Микки как-то послал мне запись и подумал, что я выбросила ее в мусор. Но я сказала: «Почему? Это здорово». Он сказал: «Я думал, что обижу тебя, говоря в песне, что ты носишь старые джинсы, старые свитера и прочее». А я ответила: «Я — клевая Джейн, так что отвали». Все это мне понравилось, и я пошла посмотреть его концерт, потому что он сейчас самый продаваемый артист во Франции. И там я натолкнулась на Брайана Молко.

Я уже как-то видела его на телевидении — там я представляла свое шоу Arabesque, а он давал интервью. И я увидела, что он очень интеллигентный человек, великолепно говорящий по-французски, очень умный. И он играл на такой двусмысленной сексуальной ноте, в которой на самом деле была немало юмора. И вот я его встретила и сказала: «Я видела вас на ТВ недавно». Он ответил: «А я написал одну песню, которую вы могли бы спеть».

Слова этой песни были настолько... Я сказала, что я хорошо воспитанная девушка, так что не могу петь такое. Он сказал: «Хорошо, я переделаю немного». Брайан пока-

злся мне милым и забавным, я даже дала ему косметику из своей сумочки, чтобы он подправил себе макияж. И я не думаю, что он на самом деле гомосексуалист, — скорее это просто впечатление, которое он производит, и он играет на этом. Быть таинственным вообще неплохо.

Вот, например, Бет Гиббонс очень скрытная. До того как мы встретились, я не знала, как она выглядит. У меня нет Интернета, я не знаю, как им пользоваться. Но моя дочь Лу умеет, и мы искали изображение Бет. Картинок там маловато, одна-две. И Лу сказала мне по этому поводу: «Похоже, очень скрытная девушка». И действительно, когда Бет появилась в студии, она была одета в ярко-зеленые ботинки с маленькой красной полоской. И я сказала: «Ух ты! Какие милые ботинки!» А она ответила: «Просторожнее тут!» О, подумала я, жесткая девушка. Хотя на самом деле — нет. У нее просто очень твердый характер, и она делает именно то, что считает нужным. Мы работали до часа ночи, и в конце концов она пришла в умиротворенное состояние, хотя обычно ее трудно в такое состояние привести. Потом мы пошли в бар, потому что она любит неплохо выпить. И я подумала, что, пожалуй, займусь тем же. Я и моя подружка Габриэль, мы говорили с Бет всю ночь, а когда я уже ехала домой в такси, то осознала, что Бет узнала про нас все, а мы про нее — ничего. Я люблю по-настоящему загадочных людей.

Недавно мы отмечали 75-летие со дня рождения Жака Бреля. И я задал себе вопрос: каковы были отношения Сержа Генсбур с другими известными во Франции сочинителями?

Я даже не знаю. Когда мы встретились, он только что пережил разрыв с Брижит Бардо и поэтому не особенно хотел общаться с людьми из шоу-бизнеса. Я думаю, что он восхищался Брелем. И Жоржем Брассансом — он однажды привел Брассанса на мой день рождения в качестве подарка. Он, конечно, не перевязал его ленточкой, но почти. Бедный Брассанс... Все отмечалось в каком-то шикарном ресторане, а я думаю, что Брассанс не любил шикарные рестораны. Но он сказал: «Разве только ради дня рождения Джейн?»

Серж очень любил Лео Ферре (мелодия широко известной у нас песни Алексея Хвостенко «Орландина» принадлежит именно этому композитору. — Газета). Я пела его «Avec Le Temps», и Серж ревновал по этому поводу. Я могла бы петь любые песни Ферре, потому что он хотел писать песни для меня, но Серж сказал: «Нет, она моя». В одной из песен Ферре — про шампанзе по имени Пепе — упоминается Генсбур. Там говорится: «Тебе не нужна бутылка скотча, чтобы заснуть, как это нужно ему». Сержу это очень понравилось.

Когда Брассанс умер, я сказала: «О, бедный Брассанс». А Серж сказал: «Да, теперь остался только я. Потому что нас было двое». А я говорю: «А как насчет Тренэ?» Серж ответил: «Он не пишет больше». А Ферре? «Он не пишет больше». И это правда. Он был единственным из своего поколения, кто писал песни до последнего дня своей жизни. Он записывал свои раста-

манские пластинки, делал «You're Under Arrest» (альбом 1987 года. — Газета) и все прочие вещи, по которым молодежь сходила с ума.

Генсбур придумал себе образ Гансбарра, стал сжигать пятисотфранковые купюры во время телешоу. Он держался как бунтарь, и это тоже было забавно. Я думаю, что если проголосовать сегодня, то он окажется самым популярным человеком во Франции. Он действительно был в авангарде. Сейчас в шоу-бизнесе для того, чтобы выжить, ты должен делать хит-синглы, а иначе ты выбываешь. В наши времена, во времена Сержа, все было иначе. Ни один из его дисков не становился «золотым» до выхода «Aux Armes Et Caetera» — пластинки, которая так взбесила Национальный фронт и Ле Пена. Моей же первой «золотой» пластинкой была «Baby Alone In Babylon» (альбом 1983 года. — Газета). Большой успех пришел к нам поздно, но я рада, что еще при жизни Серж увидел, насколько он популярен. Он так опережал свое время, что вообще мог бы быть совершенно неизвестен. Но, слава богу, люди его любили, и у него был успех.

По нашему ТВ часто показывают фильм Клода Берри «Я вас люблю» (Je Vous Aime) с Генсбуром, Катрин Денев и Жан-Луи Трентиньяном. Его включили и в московскую киноретроспективу Сержа. Можете ли вы сказать, что роль, которую Генсбур играет в этом фильме, вспыльчивого, агрессивного и одновременно ранимого, хрупкого музыканта, соответствовала действительности, что Серж именно таким и был?

Я думаю, что в этом фильме Серж играл правдивую роль. Среди актеров этого фильма были люди, участвовавшие и в его реальной жизни. Там много настоящего. Серж был тогда в ужасном состоянии. И они запечатлели его плачущего, грустно... Я очень благодарна Катрин Денев за то, что она заботилась о нем — чтобы он не выпрыгнул из окна или что-нибудь в этом роде. Так что они просто поставили декорации и поместили в них его настоящие страдания. Он играл самого себя. Он был прекрасным актером, а они были так глупы, что не использовали этого. Такой характер... Но его боялись, брали на роли предателей. В одном из ранних фильмов он играл императора, убивавшего христиан.

А что вы скажете обо всех легендах генсбуровской жизни — насколько они правдивы? Например, его знаменитое непомерное питье?

Да, неумеренное ежедневное питье, это точно. К сожалению. Я старалась остановить его, отправляла в лечебницу, где он прекратил бы пить. Моя дочь от первого брака, Кейт Барри, обожала его и пыталась привести в Общество анонимных алкоголиков. Да, пил он очень много, иногда просто загибался, а когда печень возвращалась в нормальное состояние, он снова засаживался за стойку бара.

Но он считал также, что эти вещи вдохновляют его. Когда он записывал пластинки, всю ночь курил сигареты и пил кофе. Он не пил алкоголя, когда записывался. Если ему нужно было подготовить песню для меня на следующий день, он работал всю ночь. Так пять ночей подряд, и в конце концов он просто падал от истощения. Но такой он был человек. Он был очень русский. Он постоянно говорил, что у него славянская душа. Это правда, и все эти его меланхоличные песни... Он писал для меня: «Когда жить так больно, верь в богов, верь в небеса, даже когда твое сердце истекает кровью».

За несколько дней до смерти он показывал мне свои новые песни. Незадолго до этого он написал «Gloomy Sunday» («Мрачное воскресенье»), в которой была строчка: «Ты вернешься в воскресенье, но будет уже слишком поздно». Так и получилось: я вернулась в воскресенье, но Серж уже умер. Если бы знали его, вы полюбили бы его обязательно. Все эти истории... Он давал пятисотфранковые купюры таксистам как чаевые, таксисты его обожали. Они плакали на его похоронах.

Странный, меланхоличный, смешной клоун, еврейская, славянская кровь... и в основе всего этого — русский человек. Когда мы были в Югославии, он воскликнул: «Я чувствую этот запах! Россия рядом, я почти там!» Однажды мы остановились в русском аэропорту на пути из Токио. И он побежал к служащим, разговаривая по-русски, но они ничего не понимали из того, что он говорил. Он был разочарован. Его родители были из России, он был так горд принадлежностью к вашей стране. Он поменял свое имя — стал Сержем вместо Люсьена, чтобы звучало по-русски. Он был очень русский, и у него был русский характер. Если он был ужасен — а он мог быть ужасен, — то заставлял тебя плакать перед толпой, а наутро, совершенно забыв про это, развлекал и веселил тебя, усыпав всю комнату белыми розами.

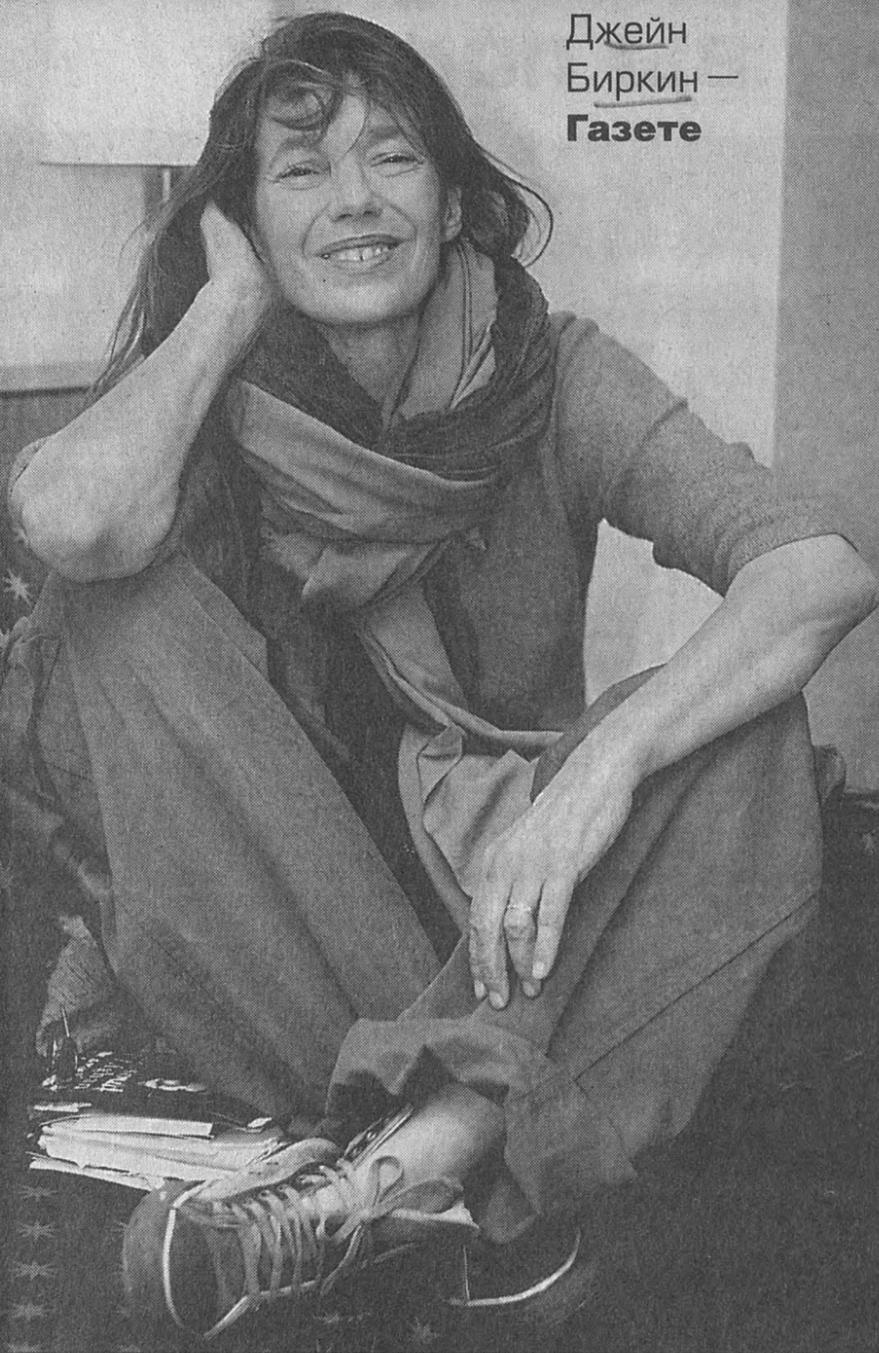
газета

Лолита навсегда

О Джейн Биркин у нас обычно говорят в связи с Сержем Генсбуром, замечательным французским певцом, поэтом и композитором. Долгое время она была его женой, музой и исполнительницей какой-нибудь старой классической песни, например Коула Портера. Но тут продюсер мне сказал, что Брайан больше заинтересован в том, чтобы сделать что-то из репертуара времен Roxу Music. Я спросила: «Роксы

персона

Джейн Биркин — Газете

Джейн Биркин: «Быть таинственным вообще неплохо... Я люблю по-настоящему загадочных людей» Фото: AFP

Актриса и певица Джейн Биркин — подруга жизни и вдохновительница легендарного Сержа Генсбур — в новом альбоме «Rendez-vous» спела со многими современными звездами. Эта удивительная пластинка и стала поводом для беседы корреспондента Газеты Александра Зайцева с Джейн Биркин.

Ваш новый альбом состоит из дуэтов с различными музыкантами. Хотелось бы узнать, как началось сотрудничество с ними и как оно происходило. Например, с Брайаном Ферри.

Позвать его было моей идеей. Я думала, что мы должны сделать что-то вроде обработки какой-нибудь старой классической песни, например Коула Портера. Но тут продюсер мне сказал, что Брайан больше заинтересован в том, чтобы сделать что-то из репертуара времен Roxu Music. Я спросила: «Роксы

что?» И он сказал: «О'кей, я вышлю тебе пластинку». Я совершенно не знала эту песню и просто потерялась. Что же делать? С чего начать? Но мне сказали: «А ты не думай об этом, делай как хочешь». Я спела ее довольно низким голосом. И ребята сказали: «О, мы никогда не слышали, чтобы ты так пела, обычно ты поешь очень высоко. Это здорово!» Просто вечером накануне я пела в своем шоу Arabesque.

Я позвонила Брайану и сказала: «Я спела всю песню целиком, но хотелось бы все-та-